

УДК 94 (73 + 4) "1945 / 2001"

Юрченко С.В.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА НА ПУТИ К «РАВНОМУ ПАРТНЕРСТВУ»: ЭТАПЫ И ПРОБЛЕМЫ

В послевоенный мир США вошли в совершенно новой для себя роли государства, превосходившего все другие страны по основным показателям силы – военной, экономической, технологической и культурной. Мировые войны превратили их в центр западной цивилизации, который противостоял советской мощи, закрепившей в результате второй мировой войны за собой значительные сферы влияния в Восточной Европе и на Дальнем Востоке.

Основными районами геополитического соперничества между двумя центрами силы стали регионы, лежащие на периферии Евразии: линия соприкосновения в Европе, Средний и Дальний Восток. В ходе этого соперничества Соединенные Штаты превратились из эпизодического в постоянный фактор европейской политики, институционализируя свое присутствие в Старом свете и строя отношения с западноевропейскими союзниками на основах «атлантизма», «взаимозависимости» и «разделения бремени».

Западноевропейско-атлантическое направление американской геостратегии стало доминирующим в наборе региональных приоритетов со времен второй мировой войны. В основе этого процесса лежали фундаментальные геополитические факторы. События, связанные с гитлеровской экспансией на континенте и выходом к Атлантическому океану на его европейском побережье, а также стремление активизировать действие в Северной Африке с выходом на ее западную оконечность, создавали потенциальную угрозу безопасности Западного полушария. Поэтому контроль над указанными регионами становился жизненно важным для национальной безопасности США.

У. Буллит, характеризуя «атлантическую доктрину», подчеркивал, «что контроль над атлантическими побережьями Европы и Африки и островами в Атлантическом океане, а также надводными воротами в Атлантику – над Северным морем, Ла-Маншем и Гибралтаром со стороны любой державы, которая могла бы оказаться враждебной Соединенным Штатам, представлял бы угрозу для мира и безопасности Соединенных Штатов».

Другая составляющая важности государств Западной Европы для США обуславливалась их положением в отношении главного противника – государств «советского блока». Во-первых, они являлись своеобразным «буфером» против дальнейшего распространения коммунизма, принимая на себя ту роль, которую в межвоенный период выполняли государства Восточной Европы. Во-вторых, они

играли важную роль и в качестве предмостного укрепления к «мосту через Атлантику», на котором располагались соответствующие военные системы. В-третьих, при определенных условиях, территория западноевропейских стран могла стать плацдармом для дальнейшего продвижения вглубь Евразии.

Важным фактором, обуславливавшим внимание Соединенных Штатов к Западной Европе, было стремление держать под контролем или осуществлять необходимое влияние на экономический рост региона, который неизбежно должен был привести к формированию нового «центра силы». Эти тенденции в американской политике особенно жестко критиковали позднее представители геополитической школы «новых правых», занимавших радикально антиатлантистские и антимиондиалистские позиции [1, с.257-268]. Так, лидер этого движения французский философ и публицист А. де Бенуа подчеркивал: «США больше всего боятся независимого развития Европы; на недопущение такого развития всегда была направлена их стратегия» [2].

Безусловно, подобные подходы не являлись доминирующими в общественной мысли, но они концентрировали внимание как раз на тех чертах американской политики, которые наиболее болезненно ощущались и воспринимались европейской общественностью послевоенных поколений.

Значение западноевропейских государств было важно для США еще и потому, что Англия, Франция, Голландия, Португалия продолжали обладать обширными колониальными владениями. В условиях подъема национально-освободительного движения и кризиса колониальных империй для Америки возникали две взаимосвязанные проблемы: как добиться заполнения потенциального «вакуума силы», не обостряя отношений со своими союзниками в Европе, и как воспользоваться их богатым опытом управления колониями и остаточным влиянием в возникавших молодых государствах.

И, наконец, именно культурная общность объединяла Соединенные Штаты и западноевропейские государства, образуя западную цивилизацию. [3,4,5]. Эти фундаментальные факторы делали Соединенные Штаты и Западную Европу естественными партнерами для многостороннего диалога, приводя позднее некоторых исследователей к мысли о том, что в «многополосном, мультицивилизационном мире ответственность Запада состоит в том, чтобы охранять собственные интересы, а не поддерживать интересы других народов или пытаться разрешить конфликты между другими народами, когда эти конфликты не имеют никаких последствий для Запада» [4, с.91].

В полтора десятилетия после второй мировой войны «американские стратеги отводили Западной Европе место младшего и неравноправного партнера Вашингтона, которому надлежало сосредоточить усилия на достижении (с американской помощью) внутренней стабильности на капиталистической основе, а в международном плане в целом автоматически следовать курсом, прокладываемым Вашингтоном... В принципе подобная ситуация в тот период устраивала и ту, и другую сторону» [6, с.14].

Однако, со второй половины пятидесятых годов в американо-западноевропейских отношениях все в большей мере стали проявляться противоречия, свидетельствовавшие о необходимости пересмотра существующей модели взаимоотношений. Первый блок противоречий был связан с действиями

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА НА ПУТИ К «РАВНОМУ ПАРТНЕРСТВУ»: ЭТАПЫ И ПРОБЛЕМЫ

Соединенных Штатов в период кризисных ситуаций, когда основой американских действий в случае глобального военного конфликта должны были стать вооружения, находящиеся на американских военных базах на территории западноевропейских государств. Естественно, и в случае инициативы потенциального противника, и в случае его ответных действий западноевропейские государства подвергались бы неизбежному удару советской атомно-ракетной мощи. Поэтому, «многие, в том числе и консервативные западноевропейские лидеры, испытывали тревогу по поводу возможных последствий агрессивных акций США для своей безопасности. Так, выступая в палате общин британского парламента в феврале 1951 г., бывший премьер министр У. Черчилль говорил: «мы не должны забывать, что, создавая американскую атомную базу на юге-востоке Англии, мы превращаем себя в мишень, а может быть и в центр мишени» [6, с.86].

Второй блок противоречий был связан с реакцией США на действия Англии и Франции в странах «третьего мира». В наиболее концентрированном виде расхождения в политике Соединенных Штатов и их западноевропейских партнеров проявились в период Суэцкого кризиса 1956 г., когда США не поддержали тройственную англо-франко-израильскую агрессию в Египте. Эта позиция американской администрации обуславливалась такими факторами, как нежелание связывать себя с колониальными устремлениями союзников в условиях активизации на международной арене государств «третьего мира»; стремлением сбалансировать свою позицию и усилить собственное влияние на Ближнем Востоке; опасениями в связи с дальнейшей эскалацией конфликта, в виду вовлеченности интересов сверхдержав и известной позицией СССР; приближавшиеся президентские выборы. Последний фактор при этом не правильно интерпретировался руководством Израиля в свою пользу.

Дальнейший ход событий известен. Они оказали и важнейшее влияние на западноевропейское, а в более широком плане и атлантическое единство. В перспективе британский внешнеполитический курс стал определяться тем, что, «отвернувшись от европейского единства, Великобритания предпочла постоянное подчинение американцам... после Суэца она стала толковать «особые отношения» с Америкой как основы оказания максимального влияния на принимаемые, в основном в Вашингтоне, решения» [7, с.494].

В Париже из происшедшего сделали другие выводы. Для Франции стало ясно, что совпадение интересов государств-членов НАТО не является абсолютным. Позиция США в период кризиса на фоне известной реакции СССР побудила Францию взять курс на создание собственного ядерного потенциала и укрепить свое положение на континенте за счет налаживания тесных отношений с ФРГ. Действия Соединенных Штатов имели и еще одно важное последствие: они стали прецедентом для американских союзников в определении их позиций в отношении курса США в государствах «третьего мира». «За пределами Европы, – подчеркнул Г. Киссинджер, – Америка отныне будет обязана защищаться в «холодной войне» преимущественно в одиночестве» [7, с.471].

К этому комплексу противоречий примыкали и прямые политические столкновения между США и их европейскими союзниками - Англией и Бельгией - по поводу влияния в африканских странах, добившихся независимости, что с

особой остротой проявилось в ситуации в Конго в 1960-1962 гг. Между союзниками шли многочисленные консультации, встречи министерств иностранных дел, глав кабинетов, в ходе которых «по конголезскому вопросу союзники бросали в адрес друг друга весьма нелестные выражения». В ходе этих переговоров «была достигнута договоренность о справедливом» разделе доходов с Конго. До поры до времени острота обстановки в этой стране несколько смягчилась. Но, конечно, империалистическая борьба за Катангу далеко не закончилась» [8, с.250]. В сущности, эти события показали как возрастающую экономическую и стратегическую важность Африки с ее огромными природными богатствами, дешевой рабочей силой и ценностью положения, так и необходимость выработки модели совместной эксплуатации стран региона Западом.

Эти причины, затрагивавшие проблемы безопасности и международного влияния государств Западной Европы, побуждали их к проведению более самостоятельной политики. Однако, глубинные основы процессов, происходивших в американско-западноевропейских отношениях, заключались в изменениях в динамике экономического роста и усилении интеграционных процессов на западе европейского континента. Уже к началу 50-х годов страны Западной Европы завершили восстановительный период, и показатели их экономического развития превзошли довоенный уровень. Увеличились темпы прироста промышленного производств, среднегодовые показатели которых в 1950-1955 гг. достигли 12,6% в ФРГ; 8,6% в Италии; 5,8% во Франции; 3,8% в Англии [9, т.2, с.255]. Говоря об успехах экономического развития Западной Германии и Италии все чаще использовали выражение «экономическое чудо». За указанный период объемы промышленного производства возросли в Западной Европе на 40%. В то же самое время среднегодовые темпы прироста промышленного производства в США составляли только 4,4%, а общий прирост 24% [9, т.2, с.255]. Удельный вес западноевропейских государств в промышленном производстве капиталистических стран возрастал, а Соединенных Штатов сокращался. Этому способствовало и углубление западноевропейской интеграции в регионах ЕЭС, важной причиной которой был рост противоречий и конкурентной борьбы между западноевропейскими монополиями и корпорациями США. Таким образом, намечалась отчетливая тенденция к формированию в Западной Европе центра экономической силы, которая, неизбежно должна была проецироваться и на внешнюю политику стран региона. «Интеграционный процесс, – отметили исследователи, – накладывался на возрастание экономической мощи Западной Европы, увеличивает потенциал ее сопротивляемости попыткам США навязывать свое решение международных, экономических, военно-политических проблем, по которым существует расхождение двух центров соперничества» [10, с.38].

Г. Моргентау отметил три основных проблемы в отношениях между Соединенными Штатами и государствами Западной Европы. Во-первых, изменение стратегической ситуации формировало «баланс страха», побуждая американских союзников «к поиску безопасности в достижении большей независимости от Соединенных Штатов», стремлению «развивать свою собственную внешнюю и военную политику, особенно в области ядерных вооружений, или же...двигаться от

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА НА ПУТИ К «РАВНОМУ ПАРТНЕРСТВУ»: ЭТАПЫ И ПРОБЛЕМЫ

Соединенных Штатов в сторону нейтральной или, по крайней мере, более независимой позиции» [11, р.9]. Другое важное обстоятельство заключалось в восстановлении и росте экономики государств Западной Европы, что вело к возрастанию независимости от США не только в хозяйственной сфере, но и в политике, и военных отношениях. В-третьих, новый вызов последовал от советской политики в отношении европейских стран, которая перестала быть «политикой прямой военной агрессии или прямых военных угроз».

К началу правления администрации республиканцев в 1953 г. Атлантический союз характеризовался развитием двух основных процессов – усилением европейской экономической интеграции и стремлением к формированию мощной военной структуры. В рамках первого процесса шло образование европейских сообществ, первое из которых – Европейское объединение угля и стали было основано в 1952 г.

В рамках второго процесса разрабатывались планы создания Европейского оборонительного сообщества. 26 мая 1952 г. Соединенные Штаты, Англия, Франция и ФРГ подписали Боннскую конвенцию, согласно которой восстанавливался германский суверенитет. Эта конвенция должна была вступить в силу после ратификации Парижского договора, предусматривавшего создание ЕОС и подписанного через день после Боннской конвенции. Все эти соглашения заключались тогда, когда генерал Эйзенхауэр возглавлял командование войсками НАТО и поддерживал планы европейской военной интеграции. Этому курсу Эйзенхауэр следовал и став президентом США, полагая, что без сухопутных германских сил оборона Западной Европы будет значительно затруднена. Вскоре после вступления на пост президента он направил в европейские государства госсекретаря Дж. Даллеса и Г. Стассена для обсуждения различных аспектов европейского единства и проблемы ремилитаризации ФРГ.

Однако, именно последний вопрос более всего беспокоил правительство Франции, позиция которого все в большей мере становилась препятствием на пути создания ЕОС. Франция в который раз опасалась оказаться в роли слабой из двух континентальных западноевропейских держав, столкновение которой с более сильной – Германией – трижды на протяжении жизни одного поколения приводили к столь тяжелым последствиям. Решение Национального собрания Франции 30 августа 1954 г., отвергало создание ЕОС.

Неудача, связанная с образованием ЕОС, привела к активизации действий в двух других направлениях: обновлении Западноевропейского союза с целью принятия в его члены ФРГ, а затем и в НАТО, и интенсификации сотрудничества западноевропейских государств в экономической сфере. Это привело к подписанию 25 марта 1957 г. Римского договора об образовании ЕЭС – важному этапу в западноевропейской интеграции.

Возникавшие проблемы западноевропейской политики администрации Эйзенхауэра привлекали все большее внимание оппозиционной Демократической партии, традиционно ориентированной в своих внешнеполитических установках, в первую очередь, на укрепление отношений с государствами Западной Европы.

Возможность реализовать свои предложения демократы получили только с приходом к власти администрации Кеннеди. «Кеннеди, – писал Г. Киссинджер, –

олицетворял новое поколение американских лидеров. Они воевали во вторую мировую войну, но не на командных постах; они поддерживали создание послевоенного мирового порядка, но не входили в число его творцов. Предшественники Кеннеди, «присутствовавшие в момент творения», концентрировали свои усилия на сохранении того, что было ими выстроено. Администрация Кеннеди была сторонником нового архитектурного стиля. Ибо Трумэн и Эйзенхауэр полагали, целью атлантического союза является отражение советской агрессии; Кеннеди же хотел, чтобы родилось атлантическое сообщество, которое проложило дорогу к тому, что позднее стало именоваться «новый мировой порядок» [7, с.553].

В день независимости США 4 июля 1962 г. Кеннеди призвал к созданию «атлантического сообщества» Соединенных Штатов и «объединенной Европы, в котором интегрированная Европа стала бы равным партнером США, разделяя с ними обязанностями мирового лидера [12, р.537-539]. Президент Кеннеди идя на уступки паневропеистам в Западной Европе, провозгласил даже, что полное объединение Европы является условием дальнейшего, более масштабного, атлантического объединения. Принимая тезис «двух равных половин» Атлантики, и Кеннеди, и Джонсон основывались на том, что западноевропейская интеграция не самоцель, а лишь предварительный этап объединения всего Запада. Эта перспектива могла быть реализована лишь тогда, когда каждая из двух составляющих была бы равна другой по основным показателям мощи, исключая военный. Заместитель госсекретаря США Дж. Болл подчеркивал: «Конечно, мы можем вести переговоры с европейскими странами на равноправной основе, но существует один аспект равенства, который не зависит ни от воли, ни от действий Соединенных Штатов, а именно равенство масштабов и ресурсов. Между тем эта трудность была бы преодолена благодаря созданию объединенной Европы. Благодаря ресурсам, которые были бы примерно равны ресурсам Соединенных Штатов, объединенная Европа была бы для нас во всех отношениях равной. Но этого равенства никогда не удастся добиться, если Европа будет расколота, в результате чего ее мощь и ее значение будут меньшими» [13, с.231].

В практическом плане «атлантическое сообщество» предусматривало, в соответствии с «равным партнерством», разделение бремени по ответу на вызовы «третьего мира»; стимулирование экономического развития путем сокращения тарифов; в сотрудничестве с Японией значительное увеличение притока капиталов в слабо развитые страны, снижение экономического соперничества между «Общим рынком» и Англией, между «шестеркой» ЕЭС и «семеркой» ЕАСТ, и на этой основе создание «свободной мировой экономики».

В политическом отношении речь шла о создании единых органов «атлантического сообщества», а в военном, затрагивала вопрос о том, чтобы США поделились ядерными секретами с западноевропейскими союзниками. Позднее возникла концепция создания «многосторонних ядерных сил», которые должны были стать «примером широкого объединения сил западноевропейских стран в ядерной области. Тогда, считал госдепартамент, с западноевропейцами будет легче договориться в области экономики и политики. Европейским членам НАТО предложили участвовать «вместе с Америкой» в создании военно-морского флота,

оснащенного ядерным оружием. По замыслам составителей плана, экипажи кораблей (подводных или надводных) комплектовались бы из европейцев. Сам флот подчинялся бы НАТО, т.е. американскому главнокомандующему. Страны Западной Европы должны были финансировать строительство кораблей, их использование и обслуживание» [13, с.234]. Но эти планы, сложные для реализации сами по себе, натолкнулись на твердую позицию Франции, олицетворявшуюся президентом де Голлем. В ее основе находилось положение о том, что главное: национальная независимость, самостоятельная национальная оборона, свободная система союзов с учетом существовавших международных реальностей. Последний принцип предполагал и независимость от США. «Еще во время войны де Голля возмущали претензии США на мировое господство, – подчеркнула его биограф, – а после ее окончания он убеждался в том, что господство США не спасло Францию ни от экономического кризиса, ни от распада ее колониальной империи, а также не обеспечило ей прочного положения в Европе и в мире» [14, с.188]. А что до европейской интеграции, то человек, олицетворявший «величие Франции», говорил: «Среди галлов, германцев и латинян раздаются многочисленные призывы: «Создадим Европу!» Но какую Европу? Вот в чем вопрос... По нашему мнению, мнению французов, речь идет о том, чтобы Европа была создана для того, чтобы быть европейской. Европейская Европа – это значит, что она должна существовать сама по себе и для себя самой, иными словами, она должна иметь свою собственную политику в современном мире...а не являться организацией, не способной вести независимую политику, привязанной в этой области, как и в области обороны и экономики к системе атлантической, сиречь американской, и, следовательно, подчиненной тому, что США именуют своим «руководством» [14, с.241].

Естественно, такой континенталистский подход, нашедший отражение и в практической политике Франции в тезисе «Европа от Атлантики до Урала» и предусматривавший укрепление франко-германского сотрудничества и франко-советских связей, стал непреодолимой преградой на пути «атлантического сообщества». Комментируя столкновение концепций, Г. Киссинджер подчеркнул: «Возвышенные представления Кеннеди об атлантическом партнерстве базировались на наличие двух опор у крыши единого дома – Европы и Америки, и именно это представление вызывало отчаянное противодействие со стороны де Голля, выдвигавшего гораздо более изощренную, пусть даже менее одухотворенную, систему отношений. Обе концепции имели в своей основе конкретные исторические ценности каждой отдельной взятой стороны. Кеннеди осовременивал наследие Вильсона и Франклина Делано Рузвельта; де Голль выступал с весьма сложно – многоплановой версией классического европейского равновесия сил, в основе которого лежало наличие разделенной Германии, западногерманское экономическое преобладание, французское политическое господство в Европейском экономическом сообществе и, в качестве подстраховки, американская ядерная защита» [7, с.556-557].

Однако кризис в американо-западноевропейских отношениях, как представляется, имел многие последствия, не ограничившиеся хронологическими рамками первой половины шестидесятых годов. Это была первая столь масштабная попытка создать механизм атлантического сотрудничества между двумя

составляющими западной цивилизации. С тех лет многие факторы, препятствовавшие ее реализации либо перестали существовать, либо уже не являются определяющими. Степень интегрированности Европы – экономической, финансовой, политической, военной – олицетворяется ЕС – мощным объединением по многим показателям, вполне сопоставимым с США. Так же как и в шестидесятые годы, сегодня геополитическая обстановка в мире требует «совокупного» ответа всего Запада – атлантического сообщества. На концептуальном уровне это находит отражение во взглядах, проповедуемых таким крупным исследователем, как С. Хантингтон, который подчеркивает, что «для Запада настало время отказаться от иллюзии относительно универсальности и добиваться своего усиления, повышения своей сплоченности и жизнеспособности своей цивилизации в мире, в котором существуют множество цивилизаций» [4, с.91]. Это стремление подкрепляется еще и тем, обстоятельством, что на авансцене американской политики действует поколение, сформировавшееся в период, когда администрации Кеннеди и Джонсона стремились реализовать концепцию «атлантического сообщества» и впитывавшее соответствующий диапазон идей. Да и сама Америка извлекла определенные уроки. Конечно, тенденциям к сплочению Запада противостоят и определенные центробежные силы, однако, представляется, что на основе указанных причин в американской гостратегии в первое десятилетие двадцать первого века будет доминировать именно западноевропейско-атлантическое направление и стремление к обновлению и углублению партнерства со странами региона, ориентированное на второе издание «атлантического сообщества».

Список литературы

1. Тихонравов Ю. В. Геополитика./ Учебное пособие. – М.: ЗАО «Бизнес-школа» Интел-Синтез», 1998. – 368 с.
2. Бенуа А.де. Россия, Германия и другие//Геополитические тетради. - С.22//Элементы. Евразийское обозрение.- 1992.- № 1
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. – 1994.-№ 1.- С.33-35.
4. Хантингтон С.П. Запад уникален, но не универсален//Мировая экономика и международные отношения. – 1997. – № 8. – С. 84-93.
5. Huntington S. The Clash of Civilization and Remaking the World Order. – New York: Simon & Scherfer, 1996. –368 p.
6. США - Западная Европа: партнерство и соперничество / Отв. ред. Ю. П. Давыдов. – М.: Наука, 1978. – 422 с.
7. Киссинджер Г. Дипломатия: Пер. с англ. – М.: Ладомир, 1997. – 848 с.
8. Богословский В.В. Политика США в Африке. – М.:Соцэкгиз, 1964. – 139 с.
9. Международные отношения после второй мировой войны/Гл. ред. Н.Н. Иноземцев: В 3 т. – М.: Госполитиздат, 1962-1964.
10. США и общеевропейский процесс/Ю.П.Давыдов, А.Б.Писарев, А.Ф.Горелова и др. – М.: Наука, 1989. – 160 с.
11. Morgentau H. J. The Crisis of American Foreign Policy. – Univ. of Conn. Press, 1960. – 20 p.
12. Public Papers of the Presidents of the United States. John F. Kennedy, 1962. – Washington, , 1963.
13. Громыко Ан. А. 1036 дней президента Кеннеди. – М.: Политиздат, 1968. – 279 с.
14. Антохина – Московченко В. И. Шарль де Голль и Советский Союз: Полит. портрет. – М.: Книга, 1990. – 228 с.